

Архимандрит Иннокентий (Просвирнин),
доцент МДА

ПАМЯТИ ЕПИСКОПА ПОРФИРИЯ

(Константина Александровича Успенского)

1804—1885

«Я нажал множество снопов чистой и веской пшеницы и возложил их на алтарь науки»

(Епископ Порфирий Успенский)

Памятная дата — 100-летие со дня кончины выдающегося русского востоковеда, археолога, этнографа, археографа, текстолога, палеографа, византиниста, слависта, историка, искусствоведа, энциклопедиста-источниковеда, доктора эллинской словесности и богослова — епископа Порфирия Успенского (19 апреля 1885 — 19 апреля/2 мая 1985) стала существенным поводом к тому, чтобы воссоздать его образ для наших современников. Это важно потому, что отношение в прошлом к нему сложилось не однозначно со стороны некоторых исследователей и общественных деятелей. За рубежом же до сего времени существуют силы, стремящиеся если не изгладить из памяти имя этого самоотверженного труженика, то, по крайней мере, опорочить его в истории науки*.

«Ирония судьбы» становится понятной в какой-то мере из дневниковых записей самого епископа Порфирия, в которых прослеживается недоброжелательное отношение к нему честолюбивых начальников. Вот один из характерных примеров.

«20 октября 1846 года. Воскресенье.

— Птицы небесные имеют свои гнезда, звери лесные и полевые свои логовища... Один я не имею своего уголка. Боже мой! Когда Ты посылаешь ангелов, этих служебных духов, на служение людям, они верно исполняют волю Твою, но, исполнив ее, возвращаются в свои обители, кои Ты дал им по милости и правде Твоей. Эту истину знают просвещенные начальники мои. Но почему не руководствуются ею? (или потому, что забывают ее в своих небедных, раззолоченных теремах, или потому что ангелы летят всегда мимо этих теремов; и живущие в них не получают от них святых внушений).

— Чернец! Ты — не ангел, — скажут они.

— Илиодоры, Антонины, Гедеоны, сиятельные графы и превосходительные чины! И вы же не боги; ибо нет в вас правды, милости и провидения. Долой же с пьедесталов!

— Ах! Эти мраморные статуи вооружены крепко. Не могу я расшибить и испепелить их. Нет у меня перунов. Но есть адамантовое перо. Пишу им на челах их:

«Это — камни, но не те, от которых

Бог может воздвигнуть себе чад».

Целую тебя, перо мое. Письмена твои неизгладимы во веки веков.

Благовестят к обедне. Иду в церковь каяться и благодарить Бога за всё» [1, т. III, с. 100—101].

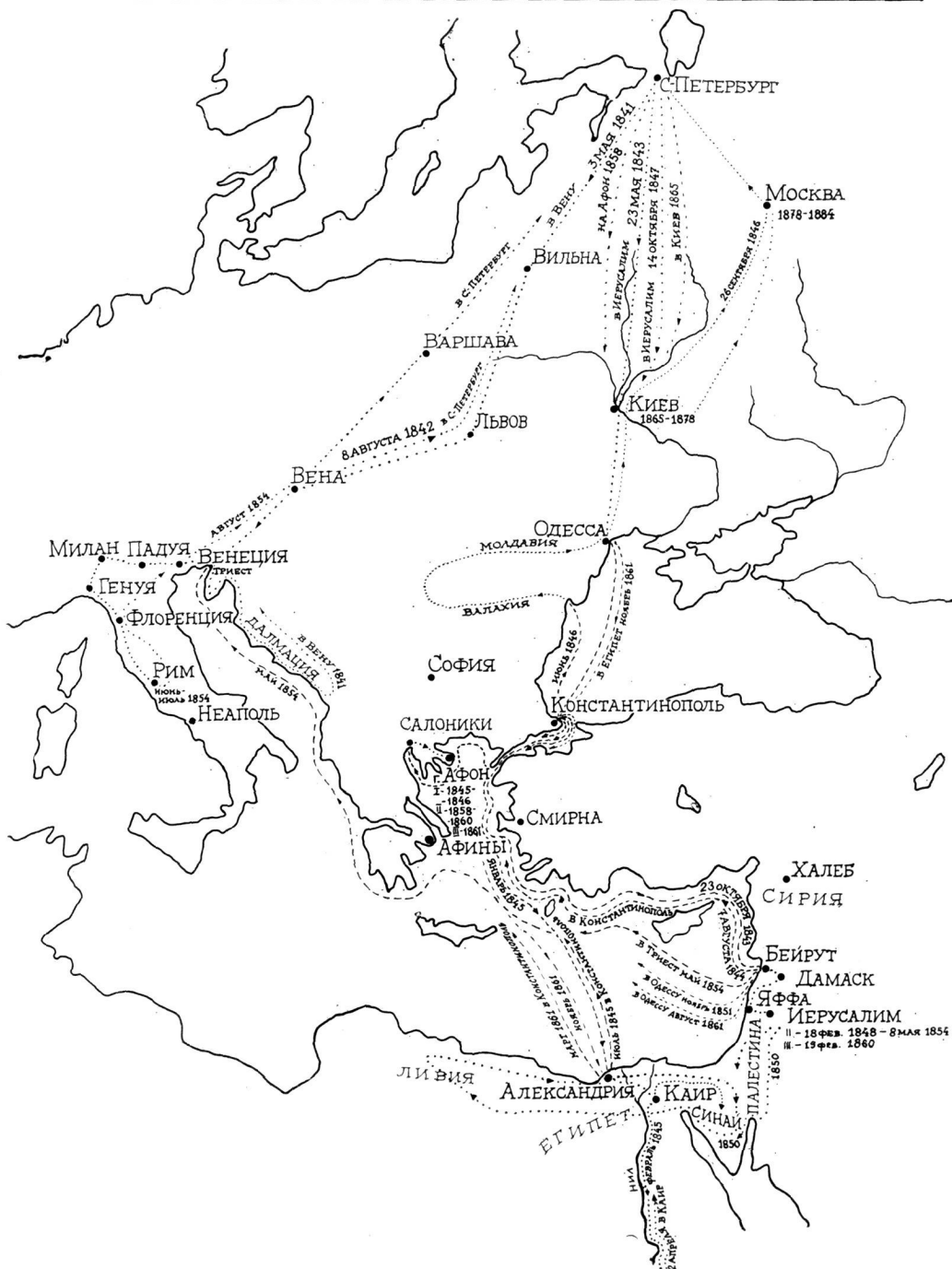
Вся жизнь епископа Порфирия была исполнена противоречий из-за непонимания «столоначальниками» (от которых формально зависел) того дела, которым он предвосхитил многое в последующей истории науки и Богословии.

* Настоящая публикация построена на основе научного сообщения, сделанного в Московской Духовной Академии 22 февраля 1985 года на вечере, посвященном памяти епископа Порфирия Успенского, в результате изучения рукописных и печатных его материалов при подготовке 1-й и 2-й Афонских экспедиций.

[1] Книга бытия моего. Дневники и автобиографические записки епископа Порфирия Успенского. Тт. I—VII. Изд. Имп. Академии наук, на издвении Православного Палестинского общества, под редакцией П. А. Сырку. СПб., 1894—1902.

Епископ Порфирий Успенский

Места, с которыми связаны труды архимандрита Порфирия Успенского

К сожалению, до сего времени не проведено полноценного исследования сохранившихся материалов для научной биографии епископа Порфирия Успенского. Эта публикация является лишь напоминанием того, что должно быть известно специалистам разных областей науки, а также богословам, ради которых он ежедневно жертвовал своей жизнью.

Первой попыткой обстоятельного раскрытия этой творческой личности является кандидатская диссертация выпускника Казанской Духовной Академии Василия Кастрова, написанная в 1915 (?) году на тему «Епископ Порфирий Успенский. Его деятельность и ученые труды по изучению христианского Востока» (Центральный Государственный архив Татарской АССР, ф. 10, опись 2, № 759, 290 с.). Рукопись осталась неопубликованной. Научные обобщения в этой работе построены на известных опубликованных трудах епископа Порфирия* и знаменитых его дневниках, на основании которых несколько ранее было сделано научное сообщение А. А. Дмитриевским в собрании Киевского отдела Православного Палестинского общества 10 апреля 1905 года [2].

Насколько важны эти источники для научной биографии епископа Порфирия, можно судить из такого его признания: «Каждый месяц года есть маленький выдел бесконечной вечности. А ежемесячные записки мои суть маленькие выпуски души моей бессмертной... Утомителен был труд мой. Но зато вознаграждение получено самое приятное и самое бескорыстное. Я разумею внутреннее удовольствие от того, что предприятие в пользу знания совершено было мною с возможною отчетливостью» [1, т. III, с. 114, 171].

Еще при жизни епископа Порфирия, в бытность его епископом Чигиринским, знаменитый академик И. И. Срезневский с восторгом выражал свое восхищение научной ценностью собрания этого удивительного труженика: «Я знал, что наш просвещенный, внимательный и заботливый путешественник во время своих многолетних странствий (в 1843—1861 гг.) по землям христианского Востока собрал очень многое; но что собрано им столько, сколько я увидел у него, я не мог предполагать.

Рассматривать их было тем легче, что почти все они приведены в порядке и очень уютно сложены — большою частью в изящных картонах, на корешках которых нанесены золотыми буквами заголовки, обозначающие, что в каждом содержится. Значительная часть собраний преосвященного Порфирия состоит из образцов письма, простого и живописного. Сюда принадлежат:

— 1. *Палеография Славянская: Сербия*. Картон в большой лист: снимки и подлинники листы из книг древнего Сербского письма определенного времени. Древнейшие относятся к XII веку. К этому собранию сделан особый Каталог рукописей Сербских, частью и таких, которые не вошли в книгу образцов. Этот Каталог содержит в себе описания рукописей, довольно обстоятельные, иногда и подробные, с выписками.

— 2. *Палеография Славянская: Болгария*. Картон в большой лист того же рода, как и первый. Древнейшие из рукописей Кирилловского письма относятся к XIV веку. К этому собранию сделан такой же Каталог, как и к первому.

— 3. *Палеография Славянская: почерки канцелярские*. Картон в большой лист со снимками с разных актов Сербских и Болгарских определенного времени, начиная с XII века. Значительная часть актов вполне переписаны в отдельном сборнике.

— 4. *Образцы древнего письма Сербского*. Картон в 4-у: подлинники листы из рукописей без годов. Между ними самый важный памятник есть отрывок (12 листов) из Псалтыри Русского письма XIII века.

— 5. *Образцы печати Славянской 1493—1603 гг.* Картон в 4-у: подлинники листы из книг большою частью западной Кирилловской печати.

Кроме того, что помещено в этих пяти больших картонах, есть еще вещи любопытные в отношении к Славянской палеографии и в других картонах, как означено будет ниже.

Не менее драгоценны и еще более разнообразны содержанием собрания по палеографии Греческой:

* Мы надеемся в дальнейшем опубликовать полный аннотированный Библиографический указатель всех трудов епископа Порфирия, изданных и неизданных, над которым сейчас проводится работа.

[?] А. А. Дмитриевский. Епископ Порфирий Успенский, как инициатор и организатор первой духовной миссии в Иерусалиме, и его заслуги в пользу Православия и в деле изучения христианского Востока. По поводу столетия со дня его рождения.— Сообщения Имп. Православного Палестинского общества, том XVI, выпуск 3. СПб., 1905, с. 329—361.

— 6. *Палеография Греческая: I. Образчики письма из Египта*: картон в большой лист.

— 7. *Палеография Греческая: II. Образчики письма Малоазийского и других стран*: такой же картон.

В этих двух картонах находятся подлинные отрывки из Греческих рукописей и снимки с рукописей определенного времени, начиная с VIII века. К ним принадлежат каталоги вроде тех, какие находятся при картонах, заключающих в себе образцы Славянского письма.

— 8. *Палеография Греческая: III. Почерки канцелярские*: картон в большой лист, со снимками с актов царских, патриарших, монастырских, судебных и межевых определенного времени.

— 9. *Палеография Греческая: XV—XVI вв.*: картон в 4-у.

— 10. *Палеография Греческая: XVII в.*: картон в 4-у.

В этих двух картонах помещены отрывки из подлинных рукописей.

— 11. *Образчики Греческих нот*: картон в большой лист: подлинные листы и снимки из рукописей X—XVII вв. с певческими крюками. Это собрание — не только самое большое из всех известных, но, можно сказать, единственное.

— 12. *Снимки с древних карт*: картон в большой лист. Главное в этом собрании — снимки с прекрасного списка христианской палеографии Козьмы Индикоплова IX века.

— 13. *Живопись книжная: 715—1536*: картон в большой лист: богатое собрание изображений святых и праведников в снимках и подлинниках из рукописей Греческих, Арабских, Славянских (Болгарских). Это собрание драгоценно для изучающего средневековую живопись христианского Востока.

— 14. *Древности*: картон в очень большой лист. Здесь помещены подлинные листы Греческого и Славянского письма простого и живописного и снимки с рукописей неопределенного времени.

— 15. 16. Очень любопытны два больших картона, заключающие в себе *оттиски гравюр на дереве* с изображениями Афонских монастырей и образов. Гравюры в том роде, как наши лубочные. Собрание очень большое и разнообразное.

Два отдельных картона в большой лист рисунков и снимков принадлежат к особенному сочинению преосвященного Порфирия об Афоне, уже приготовленному к печати:

— 17. *Живописное обозрение Афона*: виды и рисунки остатков языческой древности.

— 18. *Афон: живопись и архитектура* — христианского времени.

Другой подобный труд преосвященного Порфирия, также готовый к печати, — Путешествие в Метеорские и Оссо-Олимпийские монастыри в Фессалии. И к этой рукописи, в которой помещено множество рисунков, относится большой картон:

— 19. *Фессалия*.

Третий труд, приготовляемый преосвященным Порфирием к изданию в свет, есть Путешествие по Палестине. К нему относится большой картон:

— 20. *Палестина: живопись и архитектура* — христианские.

Кроме всего этого преосвященный Порфирий имеет:

— собрание подлинных образов на досках и

— собрание цельных рукописей Славянских, Греческих, Армянских, Сирийских, Арабских, Ефиопских, Коптских...

Не говорю уже о библиотеке печатных книг, богатой изданиями и учеными, и редкими, и роскошными, разумеется, тоже важными для ученого, занимающегося исследованиями того круга, который избрал себе наш достойный исследователь.

И все это, все собранное преосвященным Порфирием, не утаивается... Все это открыто всякому достойному доверия... он не из тех собирателей, которые сами не знают, что у них есть: он знает все свое богатство до мелочи; а потому-то и может снабжать работающего у него не только важными, но нередко и необходимыми указаниями. Знаю это сам по себе, по всему тому, что он сообщал мне в беседах своих о древних памятниках письма Славянского и отчасти Греческого и о некоторых древних христианских обычаях. Работая у него иногда вместе с моим товарищем по путешествию в Киев Ф. Г. Солнцевым, с душевной радостью вслушивался я в их разговор о древней христианской живописи, как в разговор двух знатоков дела. Думаю, что то же испытает в беседе с преосвященным Порфирием и археолог историк церкви, и археолог музыкант, и археолог географ...» (И. И. Срезневский. Собрания епископа Порфирия.— Записки Академии наук, т. XII, СПб., 1867, с. 1—5).

Епископ Порфирий глубоко усваивал те памятники письменности, с которых не-

мало сделано им списков. Это очевидно из его писем к различным ученым. С ними он незамедлительно делился своими сильными наблюдениями и выводами. Примером таким может служить одно из его писем Конференции (или Ученому совету) Киевской Духовной Академии, в котором о. Порфирий подчеркивает важность более углубленного обращения к изучению исторических источников. На том уровне науки все его научные начинания имели (а многие имеют и ныне) колоссальное значение.

«В прошедшем году,— пишет архимандрит Порфирий,— отправляясь на Святую Гору Афонскую для богомолья, я дал себе обет заняться внимательным обозрением библиотек тамошних монастырей в надежде найти в них, между прочим, какие-нибудь новые сведения об отношении Святой Горы, вообще, к Российской Церкви, и в частности, к Киево-Печерской Лавре и Киевской митрополии.

Полгода провел я на Афоне и при других многосторонних занятиях, о коих не уместно говорить, успел обозреть только десять монастырей, и следовательно, десять библиотек.

В библиотеках монастырей, Иверского и Павловского, мне посчастливилось найти рукописные творения митрополитов Киевских, Льва и Григория Цамблака, именно: а) отрывок из слова Льва об опресноках и некоторых других толках Латинской церкви на Греческом языке, и б) 15 Слов Григория на Славянском наречии.

Не знаю: известны ли сии творения в России; сохраняются ли они где-нибудь в рукописях, или были когда-нибудь напечатаны?

Если они не известны, то, по обязанности Корреспондента сей Конференции, я охотно приемлю на себя труд переписать упомянутые творения и представить их ученому сословию при своем рассуждении о них.

Равным образом обещаюсь продолжить ученые изыскания на Афоне по вторичном посещении оного, на которое теперь ожидаю разрешения от начальства.

Ежели Конференции угодно будет удостоить меня ответом, то пусть адресуется оный на мое имя в Константинополь.

Конференции Киевской Духовной Академии

Корреспондент Архимандрит Порфирий

1846 года февраля 12 дня. Константинополь.

Здесь же, на 2-м листе, вверху, синим карандашом (видимо, рукой Порфирия) дано указание: «К стр. 516». Далее чернилами приводит отрывок из Слова митрополита Григория Цамблака на Рождество Предтечи и делает такое примечание: «В конце одного рукописного славянского Четвероевангелия в 8°, находящегося в Библиотеке Павловского Монастыря, приписано, неизвестно, каким иноком сербским: «Въ лето 6928 индикт 13 престависе митрополитъ Російскыи Григоріе Цамблакъ».

Не на Афоне ли скончался сей иерарх?» (ЦНБ АН УССР, Архив КДА, ф. 160, № 1836).

Конечно, эта приписка с вопросом архимандрита Порфирия не внесет нового в современную историческую науку. Но 139 лет назад эта ремарка была правомерна, как и сама научная методика исследовательской работы архимандрита Порфирия.

Безусловно, его прямодушные, неліцеприятная открытость к людям, убежденность в истинности научных выводов (более аналитических, чем информативных) нелегко воспринималась многими его современниками. Научные выводы епископа Порфирия Успенского нередко вызвали раздражение, и особенно у тех ученых, которые до болезненности самолюбивы. Если же при этом они занимали более высокое положение по должности, их «ученое самолюбие» не выдерживало даже близости этого удивительного исследователя, всецело преданного истине. Достаточно привести его письмо к одному из профессоров (возможно, той же Киевской Духовной Академии), чтобы понять, что весь его жизненный путь поистине был тернистым.

«Москва, 1 ноября 1884 г.

Возлюбленный о Господе Семен Афанасьевич!

Отвечаю на письмо Ваше от 26 октября текущего года.

Действительно я был нездоров с 6 мая по сентябрь. У меня сильно болела грудь. А эта боль не позволяла мне брать в руки перо. Вот почему я не ответил на первое письмо Ваше, от 24 апреля настоящего года. Тогда Вы спрашивали меня: «Правда ли всё то, что мною сказано в этом (первом) письме относительно нового перевода Библии с Еврейского языка на русский». Теперь отвечаю Вам на этот вопрос: правда, правда, правда! Петербургский митрополит Исидор с компанией сделал непростительный грех, исказивши Слово Божие русским переводом его с испорченной Мазоретами * Еврейской Библии, и введши в Русскую Церковь такое раздвоение, что чада

* Орфография и пунктуация сохраняется авторская.— Ред.

ея иное слово Божие слышат в храмах своих и иное читают в домах своих. Не знаешь, чему верить.— На другой день после коронации Государя я в сильных выражениях говорил Исидору об этом несчастном раздвоении, и упрасивал его настоять в св. Синоде, чтобы мне дозволено было напечатать сперва русский перевод Псалтири с греческого перевода 70 толковников, а потом такой же перевод Паремий, читаемых в Церкви накануне Господских и Богородичных праздников. Но он, по упрямству своему, обличающему скудоумие его, не только не согласился исполнить мою просьбу, но еще разсердился на меня. Вот, как тов сей отступник от единой, святой, соборной, и апостольской Церкви, которая всегда возвещала своим чадам Слово Божие по переводу 70 толковников, и в своих литургиях и песнопениях поместила многия и многия речения из этого перевода, а не из Раввинской Библии. Но уже недолго поживет он. Дни его сочтены. Скоро он предстанет на суд пред Господом...

Призываю на Вас Божие благословение, и остаюсь с отменным уважением к Вам.
Епископ Порфирий»

(ЦНБ АН УССР, Архив КДА, ф. 160, № 1837).

Это письмо написано 38 лет спустя, после вышеупомянутого. Из него видно, что ревность о Истине в нем еще более возгорелась к концу жизни.

«Я монах; но воспитанием и образованием приготовлен не для пустыни»,— смело заявлял архимандрит Порфирий графу Протасову на его дерзкие выпады [1, т. III, с. 131].

Наиболее полно портрет ученого, удивительного русского исследователя можно представить по фонду епископа Порфирия в Архиве Академии наук СССР, Ленинградское отделение (Успенский Константин Александрович, № 118, опись 1). Профессор П. А. Сырку, описавший его еще в 1891 году, отмечал, что бумаги, завещанные епископом Порфирием Успенским Академии наук, представлены «в виде отдельных сочинений, частью написанных им самим, частью же другими лицами, сборников разнородных юридических актов, отрывков из творений святых отцов, светских писателей и т. п., обширной переписки как официальной, так и частной на разных языках, и, наконец, собраний рисунков и снимков... Преосвященный Порфирий, бывший епископ Чигиринский, викарий Киевской митрополии (1865—1877), а затем член Синодальной Московской конторы и в то же время управляющий ставропигиальным Новоспасским монастырем (1877—1885), три раза ездил на Восток с официальными поручениями, и во все эти поездки ему приходилось оставаться там подолгу,— иногда по несколько лет (1858, 1859, 1861 гг.—*Ред.*). Будучи любознательным и обладая пытливым умом и неутомимой энергией, к тому же нося только звание архимандрита, о. Порфирий являлся самым способным в то время лицом, чтобы наблюдать и изучать жизнь на Православном Востоке. Результат всех этих наблюдений и многолетних тщательных исследований, как практических, так и теоретических, выразился в целом ряде сочинений, касающихся Православного Востока, из которых издана только небольшая часть им самим; остальная же, значительная часть, написанная в разное время и постепенно до самых последних дней жизни автора приготавлившаяся к печати, могла явиться в свет только в течение довольно долгого времени...» [3].

Академик А. Ф. Бычков и академик А. А. Куник даже после «беглого разбора» этих бумаг в 1886 году пришли к убеждению, что они заключают в себе богатый и ценный в научном отношении материал, большая часть которого заслуживает быть обнародованной [3, с. VII]. Они распределили материалы епископа Порфирия Успенского по восьми отделам:

I. Материалы для биографии Преосвященного Порфирия.

II. Исторические описания некоторых Синайских, Метеорских, Олимпийских и почти всех Афонских монастырей.

III. Каталоги греческих и славянских рукописей.

IV. Описание путешествий Преосвященного Порфирия.

V. Разные сочинения Преосвященного Порфирия (начиная с Лекций по Догматическому богословию, читанных в Херсонской Духовной Семинарии; богословские материалы к урокам в Ришельевском лицее; Слова, произнесенные в Одессе в 1832—1833 гг. и др.).

VI. Списки с рукописей, извлечения и переводы из печатных сочинений и др.

VII. Рукописи (греческие и восточные отрывки).

VIII. Рисунки и фотографии.

* Орфография и пунктуация сохраняется авторская.—*Ред.*

[3] Описание бумаг епископа Порфирия Успенского, пожертвованных им в Имп. Академию наук по завещанию. Составлено по поручению Академии наук П. Сырку. Приложение к 64-му тому «Записок Имп. Академии наук», № 9. СПб., 1891.

В упомянутом «Описании» П. А. Сырку классификация всех материалов епископа Порфирия распределяется на три раздела, по которым они хранятся в Архиве Академии наук СССР Ленинградского отделения.

I. Материалы для биографии епископа Порфирия — ф. 118, опись 1, №№ 1—56;

II. География, статистика и этнография — ф. 118, опись 1, №№ 57—90;

III. История — ф. 118, опись 1, №№ 91—199.

В настоящее время к указанным единицам хранения присоединены вновь инвентаризованные дополнительные материалы — ф. 118, опись 1, №№ 202—282, представляющие преимущественно отдельные оттиски различных публикаций или делопроизводственные бумаги.

В связи с изучением научного наследия епископа Порфирия немаловажна информация хранителя Публичной библиотеки в Петербурге академика А. Ф. Бычкова о месте собрания епископа Порфирия Успенского в истории науки [4].

«Самым важным приобретением за истекший год, — подчеркивает А. Ф. Бычков, — бесспорно является купленное за счет сумм государственного казначейства у члена Московской синодальной конторы, бывшего епископа Чигиринского, Порфирия собрание рукописей церковно-славянских и русских, греческих, арабских, грузинских, сирийских и на других языках, а также книг старопечатных церковно-славянских (большею частью в отрывках) и арабских. Это собрание составлено Преосвященным Порфирием во время 18-летнего пребывания его в разных странах христианского Востока и уже было известно как отечественным, так и заграничным ученым. Многими из его рукописей пользовались: Тишендорф при издании Нового Завета; академик Срезневский для своих сборников: «Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках» и «Древние славянские памятники юсового письма»; профессор Павлов при исследовании о Номоканоне и барон Розен при печатании летописи Яхьи Антиохийского; архимандрит Амфилохий для своих палеографических изданий, и многие другие...

...Приобретение такой замечательной коллекции за столь сравнительно скромную сумму отечественное книгохранилище единственно может приписать желанию Преосвященного Порфирия оставить свое собрание в России, так как на поступавшие к нему неоднократно предложения от заграничных библиотек и любителей он отвечал постоянным отказом.

Повышенный интерес за рубежом к собраниям епископа Порфирия продолжается и в наши дни. Достаточно ознакомиться с листами использования его рукописей в соответствующих хранилищах, чтобы убедиться в этом. В них значатся библиотека Конгресса США, Немецкая Академия наук, ученые Швеции, Австрии, Греции, Болгарии и др. (см. ГПБ, греч. 53 — Пурпурное Евангелие IX в.; греч. 219 — «Порфириево Евангелие» 835 года и др.).

Много труда положено епископом Порфирием на создание задуманной им «Библейской палеографии». Для нее он покупал уникальные памятники письменности в разных монастырях Востока, Египта и Святой Горы Афон. Если монахи отказывались продавать кодексы целиком, он договаривался с ними о продаже хотя бы отрывков из них*. Немало уникальных рукописей епископ Порфирий спас из хлама, в который они попадали по невежеству некоторых «хранителей». В последующем наука высоко оценила подвиг ученого, заложившего основу многих ее направлений**.

Так, немаловажны для современной славистики научные выводы, сделанные архимандритом Порфирием Успенским при изучении Актов Иверского монастыря. Рукопись архимандрита Порфирия, сохранившаяся в Библиотеке Академии наук (по «Описанию» П. Сырку, № 95, с. 264), на листах 19—26, на основании разбора судебного акта № 3 от 6490—982 года, месяца июня, индикта 10, с глаголической подписью некоего болгарского попа Георгия из местечка Иериссо побуждает согласиться со следующими выводами исследователя:

«1. Глаголическое письмо известно было в 982 году Болгарам, поселенным около Афонской крепости Иериссо.

2. Их священник по-глаголически написал свое имя и нарицание *поп*, и слово *знак*, на судебном акте. Стало быть оно письмо выдали и признавали судьи.

3. Все буквы в прописи этого священника — такие же, какими писались и богослужебные книги. Значит, богослужение он совершал по книгам глаголическим (Бого-

[*] Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1883 год. СПб., 1885, с. 10.

** Сам епископ Порфирий не без боли в сердце решался на этот шаг.

В настоящее время планируется необычайно важное мероприятие — возвращение в виде жерлоукой на документной бумаге уникальных отрывков из собрания епископа Порфирия (ГПБ) в сохранившиеся кодексы на Афоне, из которых в свое время они были изъятые.

служение в Иериссо совершалось на славянском языке в течение многих веков. Еще до восстания (?) греков (1821 год) хранились там церковно-славянские книги. Это мне поведал нынешний Зографский игумен Анфим (1859 г.), а сам он слышал это от зографских монахов, управлявших метохами своего монастыря подле Иериссо).

4. Ежели в 982 году ему было только 30 лет от роду* (ранее он не мог быть рукоположен по Соборному правилу), то он обучался глаголической грамоте в 962 году или 960 году. Стало быть сия грамота употреблялась у болгар ранее сего последнего года.

5. Так как Иериссовские болгары заняли участки земли, издавна принадлежавшие обители Иоанна Колова, основанной в царствование Василия Македонского около 870 года [см. рукопись Βιοῦ καὶ πολιτείας τοῦ ὁσίου Ἐυθυμίου τοῦ θεοῦ ἐν Θεσσαλονικίῃ в моей «Статистике Афона» под № (не указан.—А. И.)], значит они поселились на них недавно, я думаю в 960 году, когда царь Роман, вместо занятой ими земли, подарил помянутой обители 40 поселян. Тогда пришел с ними священник и принес глаголические книги.

6. Откуда бы ни пришли в Иериссо эти болгары, но оказывается, что глаголическая грамота в 10-м веке была уже не новостью в Болгарии.

Дальнейших выводов из рассмотренного мною акта в связи с хрисовулом царя Романа сделать нельзя. Остается желать, чтобы кто-нибудь, счастливый, открыл глаголицу подревнее той, которую я нашел, прочел и отподобил в знаменитой Иверской обители на Афоне. Но где найти ее с годом, месяцем, индиктом? Пусть поищут ее в Иериссо и на Святой Горе Афонской в архивах этой самой обители и Протата, который, как мне известно, хранит акты, совершенные еще в царствование Василия Македонского и сына его Льва, посетившего Афон до воцарения своего и удивлявшегося подвигам тамошних преподобных отшельников» (БАН СССР, Тек. пост. 600, л. 23—25). Это типичный пример зоркого видения епископом Порфирием Успенским общих культурно-исторических ценностей. Сам он, между прочим, признается: «Для чего я странствую так долго?— Может быть, для того, чтобы, подобно пчеле, принести прекрасный мед в родной улей. Я пчёлка Божия, а Россия — мой улей» [1, т. I, с. 466].

Он искал европейского признания для славы русской науки и русского Богословия. «Великий, умный и добрый народ не может быть вечным холопом»,— говорил он [1, т. I, с. 340].

Тяготы, которые пришлось перенести епископу Порфирию Успенскому, упомянуты им в кратких словах, перекликающихся с свидетельством апостольским: «Жизнь путешественника на Востоке подвергается непрерывным опасностям. Везде беды: беды в реках, беды от разбойников, беды от сродник, беды от язык, беды во градах, беды в пустыни, беды в морях, беды во лжебратии (2 Кор. 11, 27)» [1, т. I, с. 402]. При этом он не без юмора замечал (когда лишался своих бумаг): «Не худо было бы внушить всем вора́м, чтобы они не похищали у ученых монахов их книг и рукописей, а брали бы одни деньги, кои не так нужны им».

Глубокое понимание древних рукописей в развитии Богословия и науки побуждало епископа Порфирия к усиленным поискам и посильным описаниям источников на греческом, арабском и славянском языках. Примерами такого глубокого внимания к древним памятникам письменности являются, в частности, привезенные им грузинский «Тропологий» (Иадгари**), рукопись IX века, и «Житие святого Иоанна Златоуста», грузинской рукописи 968 года (ныне хранятся в Институте рукописей Академии наук ГССР)***.

Предварительная оценка вклада епископа Порфирия Успенского в науку сделана в следующих работах специалистов:

Материалы для биографии епископа Порфирия Успенского.— Изд. Акад. наук, исполн. под ред. П. В. Безобразова на завещ. Акад. еп. Порфирием средства.— СПб., 1910.

т. 1. Официальные документы, 1910, 483 с.

т. 2. Переписка. 1910. 1038 с.

* Архимандрит Порфирий условно указывает самый малый возраст, хотя может быть и другое мнение — в сторону возрастания (?).— А. И.

** В Институте рукописей АН ГССР «Тропологий» рассматривается как гимнографическое приложение к Лекционарию (ПДГЛ—П. Древнейший Иадгари. Тбилиси, 1980, с. 923).

*** Подробное описание дано протоиереем Корнелием Кекелидзе: Литургические грузинские памятники в отечественных хранилищах и их научное значение. Тифлис, 1908, с. 350—372. Краткая научная справка об этой рукописи IX века приведена в «Описании рукописей» (коллекция Н), т. V, изд-во АН ГССР, Тбилиси, 1949, с. 76—№ 2123. Там же дана научная справка о рукописи 968 года Н 2124 — «Житие святого Иоанна Златоуста», с. 77—79.

Бондырев М. П. Замечательная кончина еписк. Порфирия (Успенского) /Врача Мих. Бондырева.— М., 1904.— 4 с.— Отд. отт. из «Душеполез. чтения», 1904, № 4.

Дмитриевский А. А. Поминки преосвященного Порфирия Успенского и профессора Московской духовной академии Ивана Даниловича Мансвотова: Краткий очерк учен.-лит. деятельности их, чит. в засед. Церков.-археол. о-ва при Киев. духов. акад. 13 янв. 1886 г. доц. Ал. Аф. Дмитриевским.— Киев: тип. Корчак-Новицкого, 1886.— 61 с.— Отт. из журн. «Труды Киев. духов. акад.», 1886.

Лебедев А. П. Преосвященный Порфирий Успенский: (По поводу столетия со дня его рождения, 1804—1904 гг.).— [Сергиев-Посад]. Свято-Троиц. Сергиева Лавра, 1904.— 23 с.— Отт. из «Богосл. вестника», 1904, № 9.

Пономарев С. И. Новые труды преосвященного Порфирия Успенского.— СПб.: тип. Акад. наук, 1878, 30 с.— Отт. из «Сборника Отд-ния рус. яз. и словесности Акад. наук», 1878, т. 18, № 19.

Цагарели А. И. Преосвященный Порфирий о грузинских древностях: Чит. в заседании Вост. отд-ния [рус.] арх. общ. 21 мая 1885 г.— [СПб.]: тип. Акад. наук. [1886].— 11 с., ил.— Отт. из «Записок Вост. отд-ния Рус. археол. о-ва», 1886, т. I, вып. I.
